

Научная статья

УДК 94(470.6)

DOI: 10.31007/2306-5826-2023-3-58-7-20

ГОРОД ТЕРКИ И КАБАРДА (НОВЫЕ СВЕДЕНИЯ О СОБЫТИЯХ 1639–1640 гг.)

Ирина Хасановна Тхамокова

Институт гуманитарных исследований – филиал Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук», Нальчик, Россия, omarakana@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6020-7420>

© И.Х. Тхамокова, 2023

Аннотация. В статье рассмотрены проблемы взаимоотношений города Терки и Кабарды, которые были тесно связаны между собой. Противоречия и конфликты внутри кабардинского общества, обострившиеся в 1639–1640 гг., оказывали непосредственное влияние на ситуацию в городе, и наоборот, царские указы, действия терских воевод и ратных людей воздействовали на положение дел в Кабарде. Работа основана на изучении архивных документов, в том числе и тех, которые ранее не использовались. Их особенность заключается в том, что они представляют разные версии происходящего – точку зрения терских воевод, мнения Кельмамета и Ильдара Куденетовичей, а также Муцала и Будаचेя Сунчалеевичей. Они часто противоречат друг другу, что затрудняет их однозначную интерпретацию, но в то же время создает возможности для более глубокого и всестороннего изучения этих событий. В ходе исследования выявлены новые сведения о причинах конфликта между Муцалом и Будачем, с одной стороны, и Кельмаметом и Ильдаром – с другой. Более понятными стали также мотивы противостояния Муцала действиям терских воевод, которые задержали представителя кабардинских князей Мисоста и препятствовали обмену аманатов. Была уточнена датировка и приведены новые детали ряда событий.

Ключевые слова: Терский город, Кабарда, архивные документы, кабардинские князья, междоусобицы

Для цитирования: Тхамокова И.Х. Город Терки и Кабарда (новые сведения о событиях 1639–1640 гг.) // Вестник КБИГИ. 2023. № 3 (58). С. 7–20. DOI: 10.31007/2306-5826-2023-3-58-7-20

Original article

TERKI AND KABARDA (NEW INFORMATION ON THE EVENTS OF 1639–1640)

Irina Kh. Tkhamokova

Institute for the Humanities Research – Affiliated Federal State Budgetary Scientific Establishment «Federal Scientific Center «Kabardian-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences», Nalchik, Russia, omarakana@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6020-7420>

© I.Kh. Tkhamokova, 2023

Abstract. The article deals with the problems of relations between the town of Terka and Kabarda, which are closely connected with each other. Contradictions and conflicts within the Kabardian society, which escalated in 1639–1640, had a direct impact on the situation in the city, and vice versa, the tsar's decrees, the actions of the Terek voivodes and men of war affected the situation in Kabarda. The work is based on the study of archival documents, including those that have not been used before. Their peculiarity lies in the fact that they present different versions of what was happening – the point of view of the Terek voivodes, the opinions of Kelmamet and Ildar Kudenetovich, as well as Mutsal and Budachey Sunchaleevich. They often contradict each other, which makes it difficult to interpret them unambiguously, but at the same time creates opportunities for a deeper and more comprehensive study of these events. The study revealed the reasons for the conflict between Mutsal and Budachey, on the one hand, and Kelmamet and Ildar, on the other. The motives for the confrontation between Mutsal and the Terek voivods in the exchange of amanats have also become clearer. The dating is clarified and new details of a number of events are given.

Keywords: town of Terka, Kabarda, archival documents, Kabarda princes, feuds

For citation: Tkhamokova I.N. Terki and Kabarda (new information on the events of 1639–1640). Vestnik KBIGI = KVINR Bulletin. 2023; 3 (58): 7–20. (In Russ.). DOI: 10.31007/2306-5826-2023-3-58-7-20

Терский город с первых дней своего существования имел тесные связи – политические, экономические, военные – с народами Северного Кавказа, в том числе с кабардинцами. В этом городе кабардинские князья приносили присягу (шерть) царю. Терские воеводы посылали ратных людей для защиты некоторых кабардинских владельцев, но в случае неподчинения могли отправить их и для военных действий.

Кабардинцы не только бывали в этом городе, но некоторые из них жили в Черкасской слободе рядом с Терками. Часть из них несла военную службу и получала царское жалованье. В 1636 г. всех узденей, окочан, новокрещен, служивших в Терках, было 350 человек. Командовал ими Муцал мурза, который тогда еще не получил царской грамоты на княжение. Кроме того, в его ведении находились и «нежаловальные» жители Кавказа, не состоявшие на царской службе. В 1636 г. их было 680 человек [Русско-чеченские отношения...1997: 121].

Столь значительная численность населения слобод при Терском городе вызвала опасения у воевод. Еще при князе Шолохе, брате Муцала, они жаловались царю на то, что в слободы приезжает слишком много посторонних людей, которые не появляются перед воеводами, и это может быть опасно для города. В то же время князь Шолох жаловался на то, что воеводы высылают из слобод прибывающих туда людей. Он был заинтересован в том, чтобы увеличить их численность [Кабардино-русские отношения... 1957: 138–139].

Об отношениях Муцала с князем Иваном Хилковым, который был терским воеводой с 1638 по 1640 гг., сохранились противоречивые сведения. С одной стороны, некоторые документы сообщают о том, что они были друзьями и чуть ли не считались названными братьями (Муцал это отрицал). Воеводу даже подозревали в том, что он сообщил Муцалу о походе терских ратных людей во главе с другим воеводой – Тимофеем Аладьиным – в Кабарду [Дзамихов 2007: 205]. Но другие документы пишут об их «недружбе». Муцал даже подал челобитную, в которой обвинял И. Хилкова в том, что он несет ответственность за нападение казаков на узденей Муцала, которые ехали с товарами из Дербента в Терки [Века совместной истории...2017: 453–457], и потребовал компенсации своих убытков.

Были у Муцала конфликты и с некоторыми кабардинскими князьями, поскольку его брат Будачей владел в Кабарде 11 селами, и это приводило к противоречиям с соседними владельцами. Обострение такого конфликта Муцала и Будачея с Кельмамметом и Ильдаром Куденетовичами произошло в 1639–1640 гг.

События этого периода упоминаются в нескольких обобщающих монографиях и в ряде статей [Дзамихов 2007: 59–61; Века совместной истории...2017: 108–112; Озова 2010: 3–37; Кожев З.А. 2018: 32–37; Алоев Т.Х. 2019: 89–99]. Основное внимание их авторы уделяют состоявшейся в 1641 г. битве на Малке, предшествующие события охарактеризованы кратко. Они требуют более тщательного изучения, поскольку остаются не вполне понятными причины конфликтов, детали и датировка многих событий. Важное направление дальнейшей работы – это поиск новых источников по данной теме.

При изучении этого периода истории Кабарды обычно используется один общий круг источников: документы из Российского государственного архива древних актов, фонд 115 (Кабардинские, черкесские и другие дела – (коллекция) из фондов Посольского приказа и Посольской канцелярии). Часть из них опубликована, копии некоторых дел хранятся в архиве КБИГИ. Но никто не обращался к документам из другого фонда РГАДА – фонда 141 (Приказные дела старых лет). Среди них особый интерес представляет двухтомник, содержащий отписки терских воевод, челобитные, царские грамоты и другие материалы [РГАДА. Ф. 141. Оп. 2. Д. 2. Ч. 1, 2]. Они связаны с проводившимся в 1640 г. расследованием дела Муцала и его брата Будадея, которых обвиняли в самовольных поступках и даже в измене. Часть из этих текстов совпадает или близка к уже известным и даже опубликованным документам, но другая часть содержит новые сведения о событиях 1639–1640 гг. в Кабарде и в Терском городе.

Эти данные позволяют увидеть многие происшествия с разных точек зрения. Первая версия принадлежит терским воеводам Ивану Хилкову и Тимофею Аладьину. Она выражена в трех их отписках. Одна была написана 30 октября 1639 г., а получена в Москве 16 января 1640 г., в ней отсутствует заключительная ее часть [РГАДА. Ф. 141. Оп. 2. Д. 2. Ч. 1. Л. 1, 2 об, 12]. Вторая отписка продолжает первую. Когда она была написана – неизвестно, но последние события, упоминаемые в ней, относятся к 29 марта 1640 г. Она была получена в Москве 27 мая 1640 г. [РГАДА. Ф. 141. Оп. 2. Д. 2. Ч. 1. Л. 11]. Третья отписка была доставлена в Москву в тот же день – 27 мая 1640 г. [РГАДА. Ф. 141. Оп. 2. Д. 2. Ч. 1. Л. 31 об.]. В ней речь идет только об одном событии – о нападении Будадея и его узденей на Кельмамета и его узденей под городом Терки 18 марта 1640 г.

Вторая версия событий – это версия Кельмамета и его брата Ильдара, она довольно близка к варианту воевод и содержится в многочисленных челобитных, поданных в 1639–1640 гг. Третья версия, совершенно отличающаяся от первых двух – это версия Муцала и его брата Будадея, которая высказана как в их челобитных, так и в их ответах на вопросы при проведении следствия по их делу в Москве в августе 1640 г.

Кроме того, в этих двух томах содержатся и другие документы – отписка новых терских воевод Семена Шаховского и Саввы Нарбекова, доставленная в Москву 22 декабря 1640 г. [РГАДА. Ф. 141. Оп. 2. Д. 2. Ч. 1. Л. 35–40], отписка астраханских воевод [РГАДА. Ф. 141. Оп. 2. Д. 2. Ч. 1. Л. 51–54], челобитная Алегуко Шеганукова (уже известная и даже опубликованная) [РГАДА. Ф. 141. Оп. 2. Д. 2. Ч. 1. Л. 55–65], челобитная Дмитрия Мамстрюковича Черкасского [РГАДА. Ф. 141. Оп. 2. Д. 2. Ч. 2. Л. 318], челобитная узденей Будадея [РГАДА. Ф. 141. Оп. 2. Д. 2. Ч. 2. Л. 317] и т.п. Эти документы дополняют сведения перечисленных выше источников. События 1639–1640 гг. довольно подробно описаны в этом двухтомнике.

Первая отписка терских воевод Ивана Хилкова и Тимофея Аладьина начинается с того, что 3 апреля 1639 г. к ним в съезжую избу пришел Муцал, рассказавший о приезде из Кабарды его брата Алегуко. Тот сообщил о положении дел в их владениях в Кабарде. Князь Нарчов отобрал у них двух их «кабацких узденей» (т.е., видимо, имевших свои аулы), а Кельмамет и Ильдар Куденетовичи – еще четырех [РГАДА. Ф. 141. Оп. 2. Д. 2. Ч. 1. Л. 2].

Кельмамет мурза объяснял впоследствии, что они не забирали этих узденей насильно. Те сами хотели бежать, а Кельмамет и Ильдар мурзы привлекли их своей добротой [РГАДА. Ф. 141. Оп. 2. Д. 2. Ч. 1. Л. 4–5]. У кабардинцев, как считают историки, уздени имели право переходить от одного владельца к другому [Кушева 1963: 111–112]. Так же думали и уздени Будадея, которые писали в своей челобитной царю, что уздени всегда служили «мурзам волею, кому кто похочет, тому и служит». А ныне, по их словам, их заставляют служить «безотхотно» (без права перехода), как служат дворовые уздени или «бегули» [РГАДА. Ф. 141. Оп. 2. Д. 2. Ч. 2. Л. 317]. Эта челобитная позволяет уточнить некоторые особенности социальных отношений в Кабарде. Бейголи или дворовые уздени, как они здесь названы, не имели права менять своего владельца, другие уздени имели его и хотели сохранить, о чем и просили царя.

Впоследствии, уже в Москве, Кельмамет говорил, что если бы Муцал созвал к себе узденей и дал им «большие животы», т.е. много имущества, то они стали бы и ему служить. Муцал же ответил, что «того у них не ведется во всей Кабарде», чтобы узденям «животов много» давать. И не принято узденей друг у друга «перезывать» [РГАДА. Ф. 141. Оп. 2. Д. 2. Ч. 1. Л. 281].

Будачей и Муцал в одной из своих челобитных давали иное объяснение причин этого конфликта. По их словам, Нарчов, Кельмамет и Ильдар разорили в Кабарде аулы Будадея, многих узденей побили, а шесть сел с узденями и имуществом «насильством» себе забрали [РГАДА. Ф. 141. Оп. 2. Д. 2. Ч. 1. Л. 48, 84; Ч. 2. Л. 305]. То есть речь идет не просто о шести узденях, а о шести аулах, что лучше согласуется с произошедшими впоследствии событиями. Князь Нарчов и его брат Идар Елбузлуков спустя некоторое время вернули назад Муцалу и Будачею два аула, но Кельмамет и его брат Ильдар возвращать занятые ими села не собирались [РГАДА. Ф. 141. Оп. 2. Д. 2. Ч. 2. Л. 305, 311].

Незадолго до этих событий, в 1638 г., Кельмамет жаловался в своей челобитной на то, что Алегуко Шегануков отобрал у него 10 узденей, а Ильдар мурза (Ибаков) – еще трех, а также он насильно переселил к себе лучшего «кабацкого узденя» Кельмамета вместе с его аулом [Кабардино-русские отношения...1957: 171]. Теперь точно так же жаловались на самого Кельмамета.

Как продолжают воеводы, получив известия из Кабарды, Муцал решил поехать туда, как он говорил, для договора с Кельмаметом, Ильдаром и князем Нарчовом. Воеводы стали убеждать Муцала в том, что без царского указа он не должен никуда уезжать, а для решения споров лучше дожидаться, когда князь Нарчов или Кельмамет с Ильдаром приедут в Терки. Однако Муцал ответил, что не ехать ему нельзя. Воеводы пытались обратиться к матери Муцала, княгине Желегоше, однако и она ответила, что не ехать ему нельзя. О желании Муцала поехать в Кабарду и о позиции его матери было известно и из других источников, об этом можно найти, хотя и краткие, упоминания в литературе [Кабардино-русские отношения...1957: 413]. Но отношение узденей Муцала к поездке в Кабарду ранее не рассматривались. Воеводы вызвали их к себе, советовали им, чтобы они убедили Муцала не ездить в Кабарду. Но уздени ответили, что если он поедет в Кабарду, то и они поедут вместе с ним, а не ехать им нельзя [РГАДА. Ф. 141. Оп. 2. Д. 2. Ч. 1. Л. 3]. То есть в случае противоречий между Муцалом и воеводой, они поддерживали Муцала, что проявится и в последующих событиях.

15 апреля 1639 г. Муцал вместе со своими узденями самовольно выехал из Терского города. Воеводы тем временем отправили в Кабарду из Терок сына боярского Андрея Малхокова, чтобы он сообщил Кельмамету, Ильдару и князю Нарчову о планах Муцала и посоветовал им решить вопрос миром.

Согласно отписке воевод, Муцал отправился, прежде всего, в аул Эндирей. Он просил у Тарковского шамхала Айдемира войско для нападения на Кельмамета и Ильдара мурз и князя Нарчова Елбузлукова, однако шамхал отказал ему. После

этого Муцал поехал в Кабарду, и с той же просьбой обратился к наиболее влиятельным кабардинским владельцам – Алегую Шеганукову и Хатокшуко Казыеву, а затем и к Касаю, князю Малого Ногая. Но никто из них не соглашался давать ему войско и начинать междоусобицу. Только после того как Ильдар Ибаков (который уже отнял у Кельмамета один аул) согласился дать Муцалу войско, Алегую Шегануков, Хатокшуко Казыев и князь Касай решили вмешаться. Они и их ратные люди подошли к аулам Кельмамета и Ильдара, которые приехали к ним и просили не разорять и не забирать их аулы. Алегую и Хатокшуко ответили, что если Кельмамет и Ильдар помирятся с Муцалом и его братьями, то они не тронут их села. Но помириться, видимо, не удалось. К Алегую и Хатокшуко приехал Муцал и предложил переселить аулы Кельмамета, Ильдара, князя Нарчова и Будачея с братьями в другое место, ближе к собственным аулам Алегую и Хатокшуко. Этот план и был осуществлен. Старые села сожгли, узденей вместе с имуществом взяли с собой. В это время Кельмамет и Ильдар мурзы выехали из своих аулов. Затем Алегую и Хатокшуко позвали к себе Кельмамета, Ильдара, Нарчова и Муцала, отдали им их узденей и имущество. Аулы начали отстраиваться на новых местах [РГАДА. Ф. 141. Оп. 2. Д. 2. Ч. 1. Л. 5–6]. Общий ход этих событий был известен и из других источников [Кабардино-русские отношения...1957: 187].

Затем Кельмамет и Ильдар обратились к терским воеводам с просьбой прислать к ним ратных людей, которые бы оберегали их до тех пор, пока их аулы будут построены, а пашни вспаханы. Воеводы послали к ним сына боярского Родиона Горбатова и толмача Мартына Савельева. Им также велели захватить к Алегую, Хатокшуко и к Касаю Исламову и передать им, что они «учинили то негораздо», что приходили ратью на владения Кельмамета и Ильдара, сожгли их аулы и переселили их. Они нарушили свою присягу (шерть), когда пошли против людей, которые служат царю. Воеводы призывали примирить Кельмамета, Ильдара и Нарчова с Муцалом и отпустить их аулы. Алегую и Хатокшуко ответили, что они перевели аулы в другие места и поселили их порознь, чтобы ссор между их владельцами не было. Касай объяснил, что он послал своих сыновей, чтобы помирить кабардинских владельцев, а переселять аулы не велел [РГАДА. Ф. 141. Оп. 2. Д. 2. Ч. 1. Л. 8]. На этом письмо воевод заканчивается или прерывается.

Кельмамет в одной из своих челобитных писал о том, что переселение сел состоялось по просьбе Муцала и Будачея, которые имели хорошие отношения с Алегую и Хатокшуко. По этой причине Будачей вместе со своей женой, детьми и младшим братом спокойно жил в своих новых аулах, а Кельмамет в своих жить не мог, он полтора года после переселения не видел свою мать и сестер [РГАДА. Ф. 141. Оп. 2. Д. 2. Ч. 1. Л. 289].

Версия Муцала отличается некоторыми деталями. По его словам, он встретился с тарковским шамхалом Айдемиром не для того, чтобы просить у него войско. Айдемир и его люди когда-то «по заводу» Кельмамета (который это отрицал) убили дядю Муцала – Клыча, а Будачея тогда же ранили, десять человек убили и триста шестьдесят человек узденей и черных людей забрали в плен. Муцал хотел узнать, не начнет ли Айдемир снова враждовать с ними. Но тот ответил, что он не будет помогать Кельмамету и князю Нарчову.

После этого Муцал поехал в Кабарду. Кельмамет и князь Нарчов к этому времени не только взяли аулы Будачея, но также пытались захватить самого Будачея и его жену, поэтому он бежал к Хатокшуко. Муцал отправился туда же. Он просил Алегую и Хатокшуко поговорить с Кельмаметом и с князем Нарчовым, чтобы те отдали их села. Но еще раньше Кельмамет, будто бы тоже уговаривал Алегую, чтобы они помогали ему, а не Муцалу, и он даже подарил Алегую панцирь.

По словам Муцала, он у Алегую и Хатокшуко ратных людей не просил, и села Кельмамета и князя Нарчова разорять не хотел, а стремился только вернуть свои аулы. Алегую и Хатокшуко говорили ему, чтобы он с Кельмаметом

и Нарчовом помирился, а если сами они не помирятся, то ехали бы в Москву [РГАДА. Ф. 141. Оп. 2. Д. 2. Ч. 1. Л. 218–227]. Все были против войн и междоусобиц, тем не менее, они происходили.

Следующая отписка терских воевод начинается с описания событий конца лета и осени 1639 г. Кельмамет и Ильдар приехали в город Терки 8 августа и подали челобитную. Они просили дать им ратных людей, чтобы перевести свои аулы от недругов своих из Кабарды ближе к этому городу [РГАДА. Ф. 141. Оп. 2. Д. 2. Ч. 1. Л. 12]. Терские воеводы обратились к астраханским с просьбой прислать 500 астраханских ратных людей и 2000 татар, но сколько их было фактически выделено – неизвестно. Также неизвестна численность терских ратных людей, принимавших участие в этом походе.

Кельмамет и Ильдар сами поехали в Астрахань, но только 25 октября в Терках получили письмо о начале похода. В других источниках о нем сохранились только самые общие сведения, а в письме терских воевод он обрисован более подробно. Одним из авторов этого документа является воевода Тимофей Аладьин, который командовал в походе терскими ратными людьми. Как писал в Терки Кельмамет мурза, астраханские ратные люди, которых возглавлял стрелецкий голова Федор Чаплыгин, должны были, не заходя в Терский город, идти к реке Куме, а оттуда – к Кабарде. С терскими ратными людьми они должны были встретиться на Кабардинской дороге. Однако они задержались на Куме, и соединились с терскими ратными людьми на реке Белой (Нижняя часть Малки) [РГАДА. Ф. 141. Оп. 2. Д. 2. Ч. 1. Л. 13–14]. К этому времени многие астраханские стрельцы и татары бежали в Астрахань. 16 ноября терские и астраханские ратные люди пошли в Кабарду и остановились на той же реке Малке, только выше по ее течению. Оттуда оставалось полдня ходу до аулов Алегуко и Хатокшуко. К ним приехал уздень от Алегуко и Хатокшуко и передал, чтобы они в Кабарду не входили, тогда села Кельмамета и Ильдара отпустят на старые их места. Если же терские и астраханские ратные люди попытаются забрать силой эти аулы, то Алегуко и Хатокшуко со своими людьми будут против них стоять и аулов не отдадут. Когда этот уздень возвращался назад, то с ним вместе поехали Кельмамет и Ильдар, а также сын боярский Родион Горбатов, толмач, новокрещены и окочане. Они должны были передать Алегуко и Хатокшуко, чтобы те отпустили аулы Кельмамета и Ильдара на те места, которые были обозначены в царском указе (т.е. ближе к Терскому городу). По их словам, терские и астраханские ратные люди пришли не для того, чтобы с ними воевать, а только для того, чтобы перевести эти аулы на новое место. Уже 17 ноября эти посланцы вернулись обратно и сказали о том, что Алегуко и Хатокшуко отказались отпустить аулы ближе к Теркам, а если астраханские и терские люди на них нападут, то они будут с ними биться. Видимо, они готовы были согласиться с переселением этих аулов на прежние места, но не хотели, чтобы они поселились далеко от других кабардинских аулов. После этого начался поход в Кабарду, но уже 18 ноября Федор Чаплыгин повернул астраханских ратных людей в Астрахань. Вместе с ними ушли и татары. После этого Кельмамет и Ильдар сказали Тимофею Аладьину, что без астраханских людей выручить их аулы невозможно, и терские люди вернулись в Терки 23 ноября [РГАДА. Ф. 141. Оп. 2. Д. 2. Ч. 1. Л. 15–17].

Спустя несколько дней, 5 декабря, Кельмамет и Ильдар мурзы пришли в съезжую избу города и подали свою записку («сказку»), в которой попытались объяснить, почему этот поход оказался безрезультатным. Первая из причин заключалась в том, что он начался слишком поздно. Кельмамет и Ильдар планировали перевести свои аулы в то время, когда кабардинцы были на пашнях, и их хлеба еще не были сняты. Однако из-за задержек терские и астраханские люди попали в Кабарду только тогда, когда хлеба были уже свезены с полей.

Кабардинские мурзы первоначально были «в розъезде»: Алегуко – в горах, Хатокшуко и Хапых мурзы – в Абазах, один из его братьев (Джанбулат) находился

в Крыму, а второй (Ислам) – у кумыков. Но уздени Алегуко узнали о появлении царских людей и передали ему эти новости. После этого Алегуко и Хатокшуко вернулись, аулы Кельмамета и Ильдара разграбили и увели в горы [РГАДА. Ф. 141. Оп. 2. Д. 2. Ч. 1. Л. 17–20].

Второй причиной Кельмамет и Ильдар считали деятельность Муцала и его брата Будачея, который приехал из Терского города к Алегуко. Муцал также (оставаясь в Терках) послал со своим узденем Ахматханом Иналукиным весть в Кабарду, Малый Ногай и в Абазу о том, что терские и астраханские ратные люди идут против них, хотят их «развоевать» и аулы Кельмамета перевести. Он будто бы призывал, чтобы мурзы, «собрався с ратными людьми всею Кабардинскою землею и с Малым Ногаем» стояли против царского войска, и аулов Кельмамета под Терский город не выпускали, иначе «им де от них самим будет разоренье большое» [РГАДА. Ф. 141. Оп. 2. Д. 2. Ч. 1. Л. 21]. После такого обращения кабардинские и ногайские мурзы собрались на реке Баксан. И Будачей, и уздень Муцала говорили Алегуко и Хатокшуко, что многие астраханские люди разбежались, поэтому можно разбить оставшихся. Однако Алегуко «з братьею» ответили, что против царских людей они не пойдут, но если те придут на них, то они будут биться с ними [РГАДА. Ф. 141. Оп. 2. Д. 2. Ч. 1. Л. 22]. Как считали Кельмамет и Ильдар мурзы, до приезда в Кабарду Будачея и узденя Муцала Алегуко и Хатокшуко хотели отдать их аулы, но когда узнали, что многие терские люди разбежались, то передумали это делать.

С точки зрения Муцала и Будачея, поход Аладьина и астраханских ратных людей предпринимался против них, с целью и остальными их аулами завладеть и от этого «гоненья» аулы «поушли в крепии» [РГАДА. Ф. 141. Оп. 2. Д. 2. Ч. 1. Л. 86; Ч. 2. Л. 308]. Будачей говорил, что когда Тимофей Аладьин собирался в поход вместе с терскими ратными людьми, то он бил челом, чтобы ему сказали, куда они пойдут. Если они идут на «государевых непослушников», то и он готов на них идти, а если на их аулы, то на то царская воля [РГАДА. Ф. 141. Оп. 2. Д. 2. Ч. 1. Л. 120]. Муцал говорил, что он к Алегуко и Хатокшуко, и в Малый Ногай «с вестью» о походе Аладьина никого не посылал. Он послал в свои аулы узденей Маматхана с товарищами, которые до этого приезжали к нему в Терки. А когда Алегуко и Хатокшуко хотели биться с терскими ратными людьми, то Будачей их «рознял», т.е. он не только не пытался спровоцировать военные действия, но, напротив, предотвратил их [РГАДА. Ф. 141. Оп. 2. Д. 2. Ч. 1. Л. 143].

Поход Тимофея Аладьина закончился, казалось бы, безрезультатно, аулы Кельмамета и Ильдара переселить не удалось, но уже 10 декабря 1639 г. в Терки приехали уздени от Алегуко и Хатокшуко. Они предложили Кельмамету отправиться в Кабарду для заключения договора. Если же он не поедет в Кабарду, то Алегуко и Хатокшуко могут прислать в Терки своего брата. Терские воеводы поддержали именно этот второй вариант. Получается, что именно Алегуко и Хатокшуко явились инициаторами дальнейших переговоров [РГАДА. Ф. 141. Оп. 2. Д. 2. Ч. 1. Л. 22–23]. Как рассказывал впоследствии Кельмамет, вместе узденями Алегуко в Кабарду поехали также три его узденя – продолжать переговоры об аулах [РГАДА. Ф. 141. Оп. 2. Д. 2. Ч. 1. Л. 172–173].

В том же письме воевод дальнейшие события описаны значительно подробнее, чем в ранее известных источниках. 12 февраля 1640 г. в Терки приехал Мисост мурза Казыев, брат Хатокшуко (вместе с узденями Кельмамета). Он привез с собой нового аманата (сына Алегуко), который должен был заменить другого его сына. Их сопровождали уздени.

Терские воеводы велели разместить их в остроге, выделив для них несколько дворов. К гостям назначили «приставов» – детей боярских Родиона Горбатова и Григория Серовского, а также толмачей Ивана Иванова и Томилку Михайлова и «для береженья» – стрельцов [РГАДА. Ф. 141. Оп. 2. Д. 2. Ч. 1. Л. 23]. Подобным

образом в Терках принимали и других почетных гостей. В декабре 1638 г. в город приехали 7 дагестанских мурз для того, чтобы принести шерсть царю. Их тоже поселили в остроге и приставили к ним детей боярских и стрельцов [Русско-дагестанские отношения...1958: 147].

О первом этапе переговоров воеводы ничего не сообщают. Известно только, что 29 февраля 1640 г. Кельмамет и Ильдар подали челобитную: они опять жаловались на то, что на них приходили войной кабардинские мурзы, их села сожгли, переселили на другое место и не дали возможности терским и астраханским ратным людям вывести эти аулы ближе к городу Терки. Кельмамет и Ильдар просили воевод, чтобы они повторили эти обвинения Мисосту и убедили его, в соответствии с царским указом, отпустить их аулы ближе к городу Терки.

3 марта 1640 г. воеводы вызвали к себе в съезжую избу Мисоста и привезенного им аманата и повторили им упреки Кельмамета и Ильдара, а также потребовали отпустить их села на указанные царем места. Мисост им ответил, что Алегуко и Хатокшуко эти аулы у себя не держат и готовы разрешить им переселиться на старые места, т.е. туда, где эти аулы раньше находились. Но с их переселением ближе к Терскому городу они, видимо, не были согласны. Воеводы повторили Мисосту свои требования и обещали, что если они не согласятся отпустить эти села на место, обозначенное в царском указе, то воеводы напишут царю об их непослушанье. После этого Мисост, будто бы, согласился договариваться с Кельмаметом и Ильдаром. На этом воеводы его отпустили [РГАДА. Ф. 141. Оп. 2. Д. 2. Ч. 1. Л. 23–25]. Этих подробностей нет в других источниках, как нет в них и многих последующих событий этого дня. Обычно их описывают таким образом, что Муцал и его брат Будачей вместе со многими узденями в панцирях и с оружием вошли в город, «насильством» взяли Мисоста и аманата и перевезли их за реку Тюменку [Кабардино-русские отношения...1957: 179]. В изложении терских воевод и в других документах этого архивного дела эти события описаны более подробно и выглядят более масштабными.

В съезжую избу, по их словам, действительно пришли Будачей и Муцал, а также брат князя Нарчова Идар (или Ильдар, или Айдар) Елбузлуков в сопровождении множества узденей. Они «шумели» на воеводу Ивана Хилкова и спрашивали, для чего он так долго держит у себя Мисоста и принуждает его отдать аулы, обещали сами забрать Мисоста из города и, «позоря» воеводу, пошли в острог. Как писали в своей очередной челобитной Кельмамет и Ильдар мурзы, Муцал даже замахивался топором на воеводу [РГАДА. Ф. 141. Оп. 2. Д. 2. Ч. 1. Л. 45].

Воеводы послали в острог сотника стрелецкого Степана Ковернева со стрельцами, приказав не пускать Будачея и Муцала во двор к Мисосту, а его не выпускать со двора. Но ни эти стрельцы, ни стрельцы, которые еще до этого времени охраняли Мисоста, не смогли противостоять узденям, которых было очень много (по словам воевод – около 150 человек). Среди них были Бикша и Черкес Алеевы, Ахметхан Иналукин и другие. Они были в панцирях, часть из них была вооружена луками («в саадаках»), часть пищалями. Они, по словам воевод, «стрельцов побили», забрали Мисоста и аманата и вышли из острога.

Узнав об этом, воеводы, взяв с собой голов стрелецких, детей боярский и стрельцов, пошли к мосту через реку Тюменку, который соединял город с Черкасской слободой. Они хотели задержать Мисоста. Однако мурзы и уздени, увидев их, переправили Мисоста и аманата лодками на другой берег.

Воеводы затем посылали стрелецких голов Артемия Шишмарева и других к матери Муцала и Будачея – княгине Желегоше, но их к ней не пустили. Того же Артемия Шишмарева отправили также к Мисосту и велели ему говорить, что он «то учинил не делом», что, не дождавшись царского жалованья, не поменяв аманата, вышел «без отпуску» из острога. Мисост будто бы отвечал им, что его

вывели из острога «неволею». Отобратить его у Будадея и Муцала воеводы не могли. В это время, как писали Кельмамет и Ильдар мурзы, на черкасской стороне находились человек с 500 узденей Будадея и Муцала, татар и прочих иноземцев [РГАДА. Ф. 141. Оп. 2. Д. 2. Ч. 1. Л. 26–28; 98–104].

Версия Муцала и Будадея была совершенно иной. Объясняя причины своего поведения, Муцал говорил, что у Алегуко была шерть (сначала с Сунчалеем, а затем с Шолохом и потом с Муцалом) о том, что его аманатов будут «переменять», т.е. заменять одних на других. Муцал, видимо, считал, что несет ответственность за выполнение этого обещания, подкрепленного присягой. И когда Кельмамет бил челом воеводам, чтобы Мисоста и аманата не отпускать [РГАДА. Ф. 141. Оп. 2. Д. 2. Ч. 1. Л. 23–24, 126–128], то Муцал должен был этому помешать. Иначе получалось, что он нарушил шерть, не выполнил своих обязательств. Из-за этого, как считал Муцал, кабардинские и горские мурзы стали бы смотреть на него как на «бездушника», т.е. бесчестного, бессовестного человека [Словарь русского...1975:108]. Ему перестали бы верить и в Терский город не стали бы ездить [РГАДА. Ф. 141. Оп. 2. Д. 2. Ч. 1. Л. 301].

Когда к Муцалу и Будадею пришел человек от Мисоста и передал, что их «держат воеводы запертых, а аманата не переменяют» [РГАДА. Ф. 141. Оп. 2. Д. 2. Ч. 1. Л. 112], то братьям оставалось только пойти к воеводам и спросить, почему те не отпускают с Терки Мисоста и аманата долгое время. Или даже (по словам Муцала) они «били челом» воеводе и просили не задерживать аманата. Говорили, что если воеводы держат его по царскому указу, то они просят показать им этот указ. Но воевода им не ответил, и на следующий день они опять били челом об аманатах. Воевода сказал, что их задержали по челобитью Кельмамета и князя Нарчова. Тогда Муцал «бил челом» о том, что они холопы государевы, а не Кельмамета и не Нарчова [РГАДА. Ф. 141. Оп. 2. Д. 2. Ч. 1. Л. 129–131].

Версия Муцала довольно близка к тому, что писал об этих событиях в своей челобитной Алегуко Шегануков. Он тоже упоминал о том, что Мисоста и аманата не отпускали из города (по его словам, их посадили в тюрьму), что Муцал спрашивал, по царскому ли указу они задержаны и что они государевы холопы, а не Кельмамета и не Нарчова [Кабардино-русские отношения...1957: 181; РГАДА. Ф. 141. Оп. 2. Д. 2. Ч. 1. Л. 55–65].

Муцал и Будадей просили, чтобы Мисоста отпустили в Кабарду, а если не в Кабарду, то хотя бы к ним в слободу. И воевода Иван Хилков будто бы ответил, что ему до Мисоста дела нет. После этого Муцал и Будадей пошли в острог к тому двору, где жил Мисост. Он и аманат вышли, и все вместе направились к слободе.

По словам Будадея и Муцала, на воевод они не шумели, не позорили их и не говорили, что возьмут Мисоста силой из города. И стрельцов, которые охраняли Мисоста, они не били, и 150 вооруженных узденей с ними не было. А было с ними всего 3 узденя [РГАДА. Ф. 141. Оп. 2. Д. 2. Ч. 1. Л. 132]. Когда Муцал и Будадей с Мисостом выходили из ворот острога, то к ним (по словам Муцала) пришел сотник стрелецкий и спрашивал их, почему они увели Мисоста, хотя воевода его не отпускал. Они же ответили, что воевода им сказал делать с Мисостом, что хотят.

Когда Муцал и Будадей шли на мост, воевода Иван Хилков приказал ударить в колокол и сам тоже пришел на мост, а вместе с ним собрались головы стрелецкие, дети боярские и стрельцы [РГАДА. Ф. 141. Оп. 2. Д. 2. Ч. 1. Л. 113–116, 129, 132, 150]. Воевода стал спрашивать Муцала и Будадея, для чего они взяли Мисоста и аманата, но они ответили, что били ему челом, и он разрешил им делать, что хотят. Воевода им говорил, что бил ему челом Кельмамет, чтобы Мисоста не отпускать. И они ему ответили: «Бойся ты Государя, а не Кельмамета» [РГАДА. Ф. 141. Оп. 2. Д. 2. Ч. 1. Л. 133].

По словам Муцала и Будадея, уздени воеводу побить не хотели, и голов стрелецких, и детей боярских, и стрельцов не били. Напротив, это в них стреляли из

ружей. И пятисот вооруженных узденей и других иноземцев на черкасской стороне реки не было. И Муцал топором на воеводу не замахивался. По словам Будачей, их отец служил царям и воеводам и никогда никакого невежливого слова не говорил, и не только воеводу, но и последнего стрельца не бивал. Муцал говорил, что одна у него голова, и он холоп государев, поэтому не мог замахиваться на воеводу.

В это время на обеих сторонах реки собралось множество людей: на одном берегу – дети боярские и стрельцы, на другом – жители Черкасской слободы. В колокола били в тех случаях, когда городу угрожали враги. Тогда жители слободы укрывались в городе. В этот раз причина была иной. Но противостояние все же не переросло в военный конфликт между городом и Черкасской слободой.

Муцал также говорил о том, что, когда воеводы присылали к его матери стрельческих голов, то она к ним выходила сама, а слова воевод о том, что к ней голов не пустили, написаны ложно. А Мисоста в лодке никто не перевозил, он перешел в слободу по мосту, вместе с Муцалом и Будачеем. В лодках переправлялись некоторые уздени [РГАДА. Ф. 141. Оп. 2. Д. 2. Ч. 1. Л. 136, 290, 294, 302].

В то время, пока Мисост жил в Черкасской слободе, произошло еще одно событие. Как писал в одной из своих челобитных Кельмаммет, 18 марта 1640 г. он после встречи с ногайскими мурзами на реке Кизляр возвращался в Терки. Будачей со своими узденями напал на него и его узденей, хотел их убить или захватить. Об этом же событии писали и терские воеводы в своей третьей отписке [РГАДА. Ф. 141. Оп. 2. Д. 2. Ч. 1. Л. 31–34, 44–46, 260–261]. Муцал и Будачей отрицали это обвинение. По их словам, на Кельмаммета и его узденей напал не Будачей, а люди ногайского Куденека мурзы Исупова. Будачей, напротив, освободил узденей Кельмаммета и отпустил их в город. Он будто бы даже предлагал Куденеку убить себя (Будачея) вместо узденей Кельмаммета [РГАДА. Ф. 141. Оп. 2. Д. 2. Ч. 1. Л. 230–233].

По словам Муцала, это брат Кельмаммета Ильдар со своими узденями однажды пытались его убить, захватили 4 его людей и пытали их, чтобы узнать, где находился Муцал [РГАДА. Ф. 141. Оп. 2. Д. 2. Ч. 1. Л. 265–266; Ч. 2. Л. 308, 314]. Ильдар, в свою очередь, сказал, что они случайно в степи встретили 4 человек и задержали их, не зная, что это люди Муцала, а затем отпустили.

По отписке воевод, Мисост и аманат оставались во дворе у Муцала «недели с три» [РГАДА. Ф. 141. Оп. 2. Д. 2. Ч. 1. Л. 138]. Дальнейшие события в их изложении соответствуют тому, что известно из других источников: Мисост писал письма с угрозами Кельмаммету и Ильдару, в ответ они передали ему, чтобы он признал свою вину, и заключил с ними договор по поводу его аулов [Кабардино-русские отношения...1957: 179–180].

29 марта 1640 г. Мисост дал присягу (шерть) за себя и за братью свою и за детей своих, и за племянников, и за весь род свой, и за всех своих людей, за всю свою землю своего владенья и за всех мурз и князей, которые с ним «во единачестве» в том, что они будут царю служить и быть под его высокою рукою в вековом холопстве. Мисост также поклялся, что мать и сестер, и аулы со всем владением Кельмаммета и Ильдара из Кабарды отпустят туда, куда укажет царь, а до указа будут их оберегать. Уздени Мисоста присягали вместе с ним. Затем Мисосту и узденям выдали царское жалованье, поменяли аманата и отпустили их в Кабарду [РГАДА. Ф. 141. Оп. 2. Д. 2. Ч. 1. Л. 30].

По рассказу Муцала, через 3 недели после проживания у них Мисоста, он с братом снова был у воевод и опять спрашивал, по царскому ли указу Мисоста так долго держали в Терках. Муцал сказал, что если это сделано по указу, то он поедет «бить челом» царю.

После этого, по его словам, Кельмаммет призывал к себе Мисоста, «потчевал» его и говорил, что воеводы держат его на Терке по его, Кельмаммета, челобитью и платил Мисосту «бесчестье» по-черкасски. Они помирились, Кельмаммет

«шертовал» Мисосту, а Мисост – Кельмамету, чтобы никакой «недружбы» не мстить. После этого Кельмамет «бил челом» воеводам, чтобы Мисоста отпустить и аманата переменить. И Мисост шертовал царю, получил жалованье, и был отпущен в Кабарду, а аманата переменяли [РГАДА. Ф. 141. Оп. 2. Д. 2. Ч. 1. Л. 140–141]. А пока Мисост был у воевод, его брат Ильдар находился у узденя Муцала.

По словам Кельмамета, когда воеводы вызвали Мисоста к себе в съезжую избу, чтобы он дал шерть и поменял аманатов, то Муцал будто бы возражал против этого. Он говорил, что если Мисост поедет в город, то его там «засадят» и назад не отпустят. Он предложил, чтобы на то время, пока Мисост будет в городе, Кельмамет оставил бы «в аманатах» у Муцала своего брата Ильдара. И Кельмамет послал своего брата к Муцалу вместе с узденями Мисоста. После этого Мисост и аманат поехали в город для шерти, получения жалованья и т.д. Все это время Ильдар был во дворе одного из узденей Муцала, здесь же и сам Муцал вместе со своими узденями и с топором у ворот стоял. Когда Мисост вернулся, то и брата Кельмамета отпустили. После этого Кельмамет Мисоста звал к себе мириться, поскольку его мать и сестры, и его аулы находились в руках у Алегуко и Хатокшуко. И пока к царю челобитье дойдет, с ними могли что-то «учинить». Кельмамет и Мисост помирились «на словах», но шертованья между ними не было, и бесчестья Кельмамет не платил [РГАДА. Ф. 141. Оп. 2. Д. 2. Ч. 1. Л. 197–201].

При повторном опросе на эту тему Муцал настаивал на своей версии о шертовании и о плате Мисосту за «бесчестье», и говорил, что это известно всему городу. Муцал также говорил, что он не приказывал взять брата Кельмамета в аманаты. По его словам, Ильдара сам Кельмамет прислал к Мисосту, который находился в то время у Муцала. С Мисостом было человек шестьдесят узденей. Когда он поехал в город к воеводам, то взял с собой человек семь. Другие вместе с Ильдаром остались во дворе у одного из узденей Муцала. Часа через два к Ильдару пришел Муцал «с честью с медом» и потчевал его с час, а потом ушел, и у ворот с топором он не стоял.

При очередном расспросе Кельмамет опроверг Муцала. По его словам, ведомо и русским людям, и иноземцам, что Муцал взял Ильдара во двор к узденю своему. А как Муцал стоял с топором, то этого русские люди видеть не могли, но видели уздени Муцала. А медом Муцал Ильдара не потчевал, потому что они недруги [РГАДА. Ф. 141. Оп. 2. Д. 2. Ч. 1. Л. 203–209].

В любом случае Мисост шертовал царю, получил жалованье, поменял аманата и вернулся домой. Он также примирился с Кельмаметом. Но не прошло и двух месяцев после этого события, как Кельмамет и его брат Ильдар были уже в Москве, где подали челобитную с жалобой на Муцала и Будачея. Они, видимо, не рассчитывали мирными способами разрешить конфликт.

Исследованные к настоящему моменту документы позволяют дополнить сведения о событиях 1639–1640 гг. в Кабарде и Терском городе. Особенность этих материалов заключается в том, что они представляют не одну версию, как это обычно бывает, а несколько. Точка зрения терских воевод была известна и ранее, хотя и она в данном случае дополнена некоторыми деталями и подробностями. Кельмамет и Ильдар Куденетовичи также более подробно, чем в уже известных источниках, высказываются о происходивших событиях. Но особенно важны сведения, отражающие позицию Муцала и Будачея, о которой ранее было мало что известно. Во всех сложностях, во всех конфликтах, происходивших в Терском городе, а частью и в Кабарде они обвиняли воевод и Кельмамета с Ильдаром, а те, в свою очередь – Муцала и Будачея. Устранить все несоответствия, все противоречия в их сообщениях не всегда возможно даже при наиболее тщательном их изучении. Но в любом случае они содержат новую информацию по истории Северного Кавказа.

Она подтверждает тесную взаимосвязь между Терским городом и Кабардой, но также выявляет сложности и противоречия в отношениях между ними. Эта

неоднозначность объясняется отчасти конфликтами, существовавшими внутри кабардинского общества, междоусобицами кабардинских князей. Их вражда оказывала влияние и на ситуацию в Терском городе, где воеводы поддерживали одну из сторон и противостояли другой. Еще одной причиной можно считать политическое самосознание, самоощущение кабардинских князей. Не только те из них, кто жил в Кабарде, но и служивший в Терках и получавший царское жалование Муцал мог вести себя значительно более самостоятельно и независимо, чем полагалось царскому холопу.

Вместо того, чтобы ожидать в Терках Кельмамета и Ильдара или подавать челобитную царю, он едет в Кабарду и пытается добиться освобождения своих аулов. Алегуко и Хатокшуко Казыевы без чьих бы то ни было разрешений переселяют аулы как Кельмамета и Ильдара, так и Будачея, что приводит к длительному конфликту. Муцал в Терках решает самостоятельно освободить Мисоста вместе с аманатом, что едва не заканчивается вооруженным столкновением. При этом никто из них – ни Муцал, ни Алегуко и Хатокшуко – не выступают против власти царя. Более того, они просят предъявить им царские указы и обещают выполнять их. В то же время они могут действовать против терских воевод, особенно если эти воеводы поддерживают их неприятелей, таких как Кельмамет и Ильдар. Поведение Кельмамета и Ильдара наиболее соответствует тому, как должны были вести себя царские подданные – они пишут множество челобитных и просят помощи в Терках и в Москве. Именно они пользуются постоянной поддержкой терских воевод. Но в случае захвата аулов Будачея и они вели себя, видимо, слишком самостоятельно.

Выявленные документы позволяют лучше понять причины конфликта между Муцалом и Будачеем, с одной стороны, и Кельмаметом и Ильдаром – с другой. Они не могли договориться относительно принадлежности 4 аулов. Ни одна из сторон не хотела уступать, что вызвало длительную вражду и множество жертв. Те же документы содержат сведения о социальной структуре кабардинского общества, в частности – об отношениях князей и узденей.

Другие известия касаются похода под руководством терского воеводы Тимофея Аладьина и астраханского стрелецкого головы Федора Чаплыгина в Кабарду. Этот поход оказался безрезультатным, что было известно и ранее, но теперь стало ясно, что никакого столкновения между русскими ратными людьми и кабардинским войском вообще не было. Они разошлись без боя.

Еще один вопрос касается похищения или увода Мисоста мурзы из Терского острога в Черкасскую слободу. Мотивы поведения Муцала ранее были не вполне понятны. Но теперь они стали более прозрачными. Муцал, исходя из его собственных слов, в свое время обещал Алегуко, что тот сможет время от времени менять одних своих аманатов на других. И когда воеводы по челобитью Кельмамета и Ильдара задержали Мисоста и не разрешили обмен аманатов, Муцал побоялся, что его слову больше никто не будет доверять. Его представления о том, что он несет ответственность за обещания, данные кабардинским князьям, и заставили его увести Мисоста и аманата к себе в слободу.

События этого дня известны теперь значительно подробнее, чем это было ранее. И если даже утверждения о том, что Муцал замахивался на воеводу топором или о том, что вместе с ним в острог вошли 150 вооруженных узденей, являются преувеличением, все же в этот день едва не начался военный конфликт между жителями Терского города и Черкасской слободы. Однако его все же удалось избежать.

Примирение Мисоста и Кельмамета, шерт Мисоста и пребывание Ильдара «в аманатах» у Муцала и его узденей известны теперь в значительно больших, чем ранее, подробностях.

Список источников

Алоев 2019 – *Алоев Т.Х.* Ловушка двоемыслия (битва на Малке (1641 г.): историография и источники) // Вестник науки Адыгейского республиканского института гуманитарных исследований имени Т.М. Керашева. 2019. № 20 (44). С. 89–99.

Века совместной истории 2017 – *Века совместной истории: народы Кабардино-Балкарии в российском цивилизационном процессе (1557–1917)* / Составление, вступительная статья К.Ф. Дзамихова. Нальчик: Издательский отдел ИГИ КБНЦ РАН, 2017. 544 с.

Дзамихов 2007 – *Дзамихов К.Ф.* Кабарда и Россия в политической истории Кавказа XVI–XVII вв. Нальчик КБГУ, 2007. 326 с.

Кабардино-русские отношения 1957 – *Кабардино-русские отношения в XVI–XVIII вв. Документы и материалы в 2-х томах* / Ред. Т. Х. Кумыков, Е. Н. Кушева. Т. 1. М.: Академия наук, 1957. 478 с.

Кожев 2018 – *Кожев З.А.* Битва на Малке (1641 г.): историография и источники // Вестник КБИГИ. 2018. Вып. 3. С. 32–37.

Кушева 2017 – *Кушева Е.Н.* Народы Северного Кавказа и их связи с Россией: вторая половина XVI – 30-е годы XVII века. Москва: Издательство Академии наук, 1963. 371 с.

Озова 2010 – *Озова Ф.А.* Причины и последствия сражения на реке Малке 12 июля 1641 г. // Вестник института гуманитарных исследований правительства КБР и КБНЦ РАН. В. 17. Ч. 1. Нальчик, 2010. С. 3–37.

РГАДА – Российский государственный архив древних актов.

Русско-дагестанские отношения 1958 – *Русско-дагестанские отношения XVII – первой четверти XVIII в.* (Документы и материалы). Махачкала: Дагкнигоиздат, 1958. 336 с.

Русско-чеченские отношения 1997 – *Русско-чеченские отношения: Вторая половина XVI–XVII в.*: Сб. док. / Выявление, сост., введ., коммент. Е.Н. Кушевой. М.: Изд. Вост. лит., 1997. 415 с.

Словарь русского – *Словарь русского языка XI–XVII вв.* Вып. 1. М.: Наука, 1975. 371 с.

References

ALOEVA T.H. *Lovushka dvoemyслиya (bitva na Malke (1641 g.): istoriografiya i istochniki)* [The trap of doublethink (the battle of Malka (1641): historiography and sources)]. IN: Vestnik nauki Adygejskogo respublikanskogo instituta gumanitarnykh issledovanij imeni T.M. Kerasheva. 2019. №20 (44). P. 89–99. (In Russian)

DZAMIKHOV K.F. *Kabarda i Rossiya v politicheskoy istorii Kavkaza XVI–XVII vv.* [Kabarda and Russia in the political history of the Caucasus XVI–XVII centuries]. Nal'chik, KBGU, 2007. 326 p. (In Russian)

Kabardino-russkie otnosheniya v XVI–XVIII vv. Dokumenty i materialy v 2-h tomah. [Kabardino-Russian relations in the XVI–XVIII centuries. Documents and materials in 2 volumes] / Red. T. H. Kумыков, E. N. Kusheva. T. 1. M.: Akademiya nauk, 1957. 478 p. (In Russian)

KOZHEV Z.A. *Bitva na Malke (1641 g.): istoriografiya i istochniki* [Battle of Malka (1641): historiography and sources] IN: Vestnik KBIGI. 2018. №. 3. P. 32–37. (In Russian)

KUSHEVA E.N. *Narody Severnogo Kavkaza i ih svyazi s Rossiej: vtoraya polovina XVI – 30-e gody XVII veka.* [Peoples of the North Caucasus and their relations with Russia: the second half of the XVI – 30 years of the XVII century]. Moskva: Izdatel'stvo Akademii nauk, 1963. 371 p. (In Russian)

OZOVA F.A. *Prichiny i posledstviya srazheniya na reke Malke 12 iyulya 1641 g.* [Causes and consequences of the battle on the river Malka July 12, 1641]. IN: Vestnik KBIGI. Vyp. 17, 2010. Pp. 3–37. (In Russian)

Rossijskij gosudarstvennyj arhiv drevnih aktov [Russian State Archive of Ancient Acts].

Russko-chechenskie otnosheniya: Vtoraya polovina XVI–XVII v.: Sbornik dokumentov [Russian-Chechen relations: The second half of the XVI–XVII centuries: Collection of documents] / Vyavlenie, sost., vved., komment. E.N. Kushevoj. Moskva: Izd. Vost. lit., 1997. 415 p. (In Russian)

Russko-dagestanskije otnosheniya XVII – pervoj chetverti XVIII v. (Dokumenty i materialy) [Russian-Dagestani relations of the XVII – the first quarter of the XVIII century (Documents and materials)]. Makhachkala: Dagkniгоizdat, 1958. 336 p. (In Russian)

Slovar' russkogo yazyka XI–XVII vv. [Dictionary of the Russian language of the XI–XVII centuries]. Вып. 1. М.: Nauka, 1975. 371 p. (In Russian)

Veka sovmestnoj istorii: narody Kabardino-Balkarii v rossijskom civilizacionnom processe (1557–1917) [Centuries of joint history: the peoples of Kabardino-Balkaria in the Russian civilization process (1557–1917)] / Sostavlenie, vstupitel'naya stat'ya K.F. Dzamihova. Nal'chik: Izdatel'skij otdel IGI KBNC RAN, 2017. 544 p. (In Russian)

Информация об авторе

И.Х. Тхамокова – кандидат исторических наук, ст. научный сотрудник сектора этнологии и этнографии.

Information about the authors

I.Kh. Tkhamokova – Candidate of Science (History), Senior Researcher of the Department of Ethnology and Ethnography.

Статья поступила в редакцию 28.10.2023 ; одобрена после рецензирования 10.11.2023; принята к публикации 15.11.2023

The article was submitted 28.10.2023; approved after reviewing 10.11.2023; accepted for publication 15.11.2023